

«Время перемен» и «время застоя»: политическое восприятие исторических циклов в общественном сознании

Научный руководитель – Жельцев Александр Вячеславович

Сергеев Даниил Дмитриевич

Студент (бакалавр)

Финансовый университет, Институт онлайн-образования, Москва, Россия

E-mail: stiven.dedal05@mail.ru

Восприятие исторических периодов редко соответствует объективным показателям экономического роста или социального развития. Один и тот же отрезок времени может оцениваться современниками как «эпоха застоя», а потомками – как «золотой век стабильности», и наоборот. Понимание механизмов этой переоценки необходимо для анализа легитимации политических режимов, которые активно конструируют желаемые образы прошлого для укрепления своей власти в настоящем.

В общественном сознании сосуществуют две парадигмы восприятия времени: линейная (вера в необратимый процесс) и циклическая (представление о повторяемости событий).

Циклическая парадигма, восходящая к работам Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и П. Сорокина, предлагает рассматривать историю как смену фаз: от стабильности и роста через «перерасход» и «гибрис» к кризису обновления. [По материалам: 3].

Ключевая идея А. Ахиезера: исторические циклы проявляются как «пульсации» массовых характеристик общества, где социальное бытие реагирует на кризисы «рывками в обратном направлении». Каждый раз ситуация актуализируется через появление дуальных оппозиций («стабильность- хаос», «порядок- свобода», «застой- развитие» и др.), которые поляризуют общественное сознание. [По материалам: 3].

Эмпирические исследования (на примере опросов Ю. Левады) обнаруживают устойчивую волнообразную структуру массового восприятия истории. Линии оценок разных периодов напоминают синусоиды: за пиком позитивных оценок следует спад, и наоборот.

Закономерности и в том, что каждая новая эпоха отрицает непосредственно предшествующую, обвиняя ее лидеров и идеологемы, но при этом ищет опору в эпохе «позапрошлой», которая была отринута непосредственно прошлой.

Пример: при Сталине искали опору в патриотической монархии, при Хрущеве – в сталинском революционизме, при Брежневе вновь обращались к сталинским образцам, при Горбачёве реабилитировали «оттепель», в постперестройчные времена актуализировалась ностальгия по «застойной» стабилизации. [2].

Этот механизм похож на маятник – общество устаёт от «перемен» (с их рисками, неопределённостью, падением уровня жизни) и начинает идеализировать предшествующий застой как время порядка и предсказуемости. И наоборот, «застой» начинает тяготить отсутствием развития, общество жаждет «перемен», идеализируя реформаторские эпохи прошлого.

В массовом сознании периоды, носящие стабилизационный характер, устойчиво получают наиболее высокие индексы позитивных оценок. Исследования Левады показывают, что оценки периода Брежнева (в ретроспективе) и начала президентства В.В. Путина (в 2003 году) почти совпадают по своей позитивной динамике.

Со временем возможно проявление эффекта «обесцвечивания» травмы – память о мрачных сторонах периода (репрессии, войны, цензура) утрачивают остроту, если не действуют особые факторы актуализации. Период превращается в простую историческую «метку», теряя негативную коннотацию. Процесс «обесцвечивания» травмы работает избирательно. Такие периоды тотальной дестабилизации, как Смутное время, как правило, навсегда

закрепляются в исторической памяти как символы хаоса и безвластия, выступая негативным фоном, своеобразным «анти- идеалом». Однако в условиях нового кризиса страх перед возвращением подобной «смуты» парадоксальным образом повышает ценность последующих стабильных периодов, которые начинают восприниматься как «золотой век» порядка, даже если они несут в себе черты авторитаризма или застоя.

Перенос социального самосознания на новые идеи и ценности может сопровождаться социальной аномией и конфликтами, что, в свою очередь, ведет к кризису идентичности. Смута, Революция 1917 года, распад СССР-это точки бифуркации, где ломаются старые нарративы и начинается борьба за доминирование нового образа прошлого и будущего. [1].

Власть и оппозиция используют исторические аналогии для легитимации своих программ. В периоды «перемен» элиты апеллируют к образам великих реформаторов и «светлого будущего». В периоды стабилизации- к образам порядка, традиции и «органического роста». [4].

Системные кризисы- пандемия, технологические сдвиги- усиливают «массовое возбуждение» и тревогу, что делает общество более восприимчивым к простым циклическим нарративам- «мы проходим неизбежную фазу, за ней последует подъем». Это снижает запрос на рациональный анализ и повышает роль пропаганды.

Подводя итог, стоит сказать, что оценки «перемен» и «застоя» никогда не являются объективными, они подчинены циклической логике отрицания предыдущего опыта и идеализации опыта «позапрошлого». Стабильность, имеет высокую субъективную ценность для общества, уставшего от рисков, что делает «консервативный поворот» политически выгодным. Любые попытки управления исторической памятью должны учитывать эту маятниковую природу сознания: попытки окончательно «отменить» неудобный период прошлого ведут лишь к его реабилитации через одно- два поколения.

В перспективе дальнейших исследований, посвященных данной тематике, необходим сравнительный анализ того, как цифровизация и социальные медиа трансформируют механизм циклического восприятия: ускоряют ли они смену фаз, или, наоборот, консервируют общество в состоянии перманентной интерпретации прошлого.

Источники и литература

- 1) Добролюбов С. В. Полисный, национальный и цивилизационный циклы социогенеза российской общности // Мир России. Социология. Этнология. 2012. №2. — С. 115-143.
- 2) Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. — 384 с.
- 3) Сиземская, И. Н. Идея цикличности как парадигма объяснения исторической реальности / И. Н. Сиземская // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 8. – С. 33-48.
- 4) Шагиахметов Марат Процесс исторического развития и образ будущего // Философская антропология. 2022. №2. — С. 57-72.